

АЛЕКСАНДР ЭРТЕЛЬ
КРОКОДИЛ

Александр Эртель

Крокодил

«Public Domain»

1883

Эртель А. И.

Крокодил / А. И. Эртель — «Public Domain», 1883

«...превозмогающим принципом был у него один: внести в заскорузлую
мужицкую душу идею порядка, черствого и сухого, как старая пятикопеечная
булка, и посвятить этого мужика в очаровательные секреты культуры...»

Александр Иванович Эртель

Крокодил

Я познакомился с Крокодилом в Батеевке.

Но вы не знаете Батеевки? О, это славная усадьба, и хозяйева ее славные люди. Кроме того, они либералы. Сам Петр Петрович даже в некотором смысле пострадал за свои убеждения, и пострадал, по его словам, из-за любви к мужику.

Что же касается до Олимпиады Петровны, – она не страдала за свои убеждения. Она только очень мило путала волосы Петра Петровича, когда он рассказывал о своем увлечении «теоретическим мужичком», и сладко восклицала: «О, мой романтик!» – на что Петр Петрович меланхолически улыбался.

Но теперь он уже не был романтиком. Он, по его словам, «раскусил» мужика и, отчаявшись в его лучезарности, обратился в образцового сельского хозяина. Но, вместе с тем, он, как и подобает просвещенному человеку, не забывал «принципов». Каждый сельскохозяйственный поступок свой, каждое свое распоряжение о починке хомута на счет неисправного рабочего или об изловлении мужицкой коровы, пожирающей его траву, он с усердием притягивал к возвышенным принципам. Так кучер притягивает друг к другу клещи неподатливого хомута, налегая на них коленом... А превозмогающим принципом был у него один: внести в заскорюзлую мужицкую душу идею порядка, черствого и сухого, как старая пятикопеечная булка, и посвятить этого мужика в очаровательные секреты культуры. Для этого («и только для этого!», – как уверял он) все его хозяйство было поставлено на «либеральную» ногу. Сохи и допотопные сабаны заменились рансомовскими плугами; ручной разброс семян уступил место механическому; неуклюжая молотилка, воздвигнутая крепостным изобретателем Федулаем, отстранилась в пользу паровой машины Маршала... И так во всем. Изящные хомуты и шлеи, красивые фуры и вилы, окрашенные в однообразный зеленый цвет, – все это заклеилось яркими номерами и поступило на руки годовых рабочих. Каждую субботу производилась проверка. Недостающая вещь моментально вползала в пассив злополучного батрака, и всякий разорванный ремешок неукоснительно отзывался на его бюджете.

Впрочем, иногда проверка производилась не самим Петром Петровичем, и тогда принцип страдал. Тогда происходило то, что рабочие называли: «Бить морду по номерам». Дело в том, что ключник Малафей, заменявший в таких случаях барина, имел какое-то неизъяснимое отвращение к отметкам в книге и всякий недостаток в инвентаре предпочитал возмещать руганью и мордобоем. И рабочие всегда радовались, когда суровый Малафей выступал на сцену, а мягкий барин, посвистывая, уходил в дом, откуда призывно неслись звуки шопеновской мазурки и либеральные разговоры неосторожными раскатами будили сельскую тишину.

Олимпиада Петровна деятельно помогала мужу. Она отвешивала рабочим хлеб, штрафовала коровниц, посещала кладовые и ледники, а в промежутках читала умные книжки и рожала здоровых и розовых детей, которых Петр Петрович величал «будущими интеллигентами».

Нужно ли добавлять, что Батеевы сторонились «консервативных элементов»? О да, – они их очень сторонились. Их общество по обыкновению состояло или из деловых, нужных людей, и тогда не редкость было встретить в щегольской батеевской гостиной прасола Устюшкина, или из господ образа мыслей самого возвышенного и даже благородного.

Вот у этих-то милых и передовых людей я гостил однажды. Олимпиада Петровна была в детской и производила с будущим интеллигентом какие-то в высшей степени либеральные манипуляции. Мы с Петром Петровичем сидели в кабинете и говорили о важных материях.

Но нам надоело говорить о важных материях. Мы начали курить, слегка вздыхая, и сосредоточенно поглядывали в окна. Не подумайте, однако же, чтобы за окнами было что-либо особенно примечательное. Там зеленел пруд, покрытый водорослями (дело было в июне), стояли

ленивые березы, расслабленно поникнув ветвями, да синело бесконечное ласковое небо. Ближе пруда плотники рубили новую кухню. Синие и коричневые рубахи плотно облепили стены, и сверкающие топоры однообразно гремели.

– Чьи у вас плотники? – спросил я Петра Петровича.

– Э, да разве вы не слышали! Это знаменитая Сазонова артель работает.

Я кое-что слышал об этой артели, но все-таки спросил:

– Чем же она знаменитая?

– Работники великолепные. Трезвость, смышленность, распределение труда, взаимные отношения – изумительнейшие.

– А вот вы все говорите... – не утерпел я, чтобы не упрекнуть Батеева. Но он вдруг взбеленился.

– Что я говорю?! Что?! – вскинулся он на меня, отрываясь от сигары. Человек я смирный, и мне его натиск показался неприятным.

– Всегда насчет мужика говорите как-то... – возразил я.

– Как я говорю? Я говорю, что стадо ваш мужик. Что без героя, без личности – поступать ему в архаические музеи. Вот что я говорю. Так на это я право имею. Я на своей шкуре... – Тут Батеев внушительно потряс отрепьями истерзанной своей альмавивы.

– А Сазонова артель?

– Что Сазонова артель?

– Да сами же вы говорите...

– Что я говорю?..

– Хвалите, и вообще... ну, превозносите, что ли.

– Так разве это потому я ее хвалю, что она артель? Какая она к черту артель. Она ерунда, а не артель. Да и все наши артели ерунда.

– В чем же дело-то, позвольте вас спросить?

Петр Петрович посмотрел на меня иронически и отрезал:

– В порядке.

– Как в порядке?

– А вот погодите, – сказал он, взглянув в окно, – я вам покажу, как в порядке. Смотрите.

Видите: на жирном жеребце подъехал пузатенький человечек?

– Вижу.

– В нем и заключается порядок.

– Да кто же он?

– Это Сазон. Жена прозвала его Крокодилом. Именно Крокодил, проглотивший утленькое и беспомощное созданище, эту вашу мистическую артель. Теперь смотрите, как артель встречает Крокодила.

Я смотрел. В то время как Крокодил подъехал к плотникам, взмыленный жеребец остановился. Плотники дружно поднялись и отдали пузатенькому человечку низкий поклон. Затем из них отделились два человека в бородах, почтенного вида и немолодые («Десятники!» – сказал Батеев), и поспешно направились к тележке. Пузатенький человек сидел недвижимо. Когда же десятники подошли к нему, он шевельнул головою и приподнял картуз. Потом каждому из них ткнул руку для пожатия.

– Что у вас? – произнес он сиповатым басом.

– Благодарение господу, – ответили десятники в один голос и с какой-то особой певучестью в голосе. Крокодил подумал. Затем совершилось следующее. Он в молчании протянул руки, и десятники, подхватив его под мышки, стали бережно высаживать из тележки. Лицо его, круглое и пухлое как дождевик, во все время этого высаживания хранило вид великолепнейшего равнодушия. Сивые волосики реденькой и плюгавой бороденки важно топорщились во все стороны. Вытарашенные глазки изображали ленивое величие.

- Живот не прищемите, – кратко выразился он, отдаваясь объятиям десятников.
- О господи! – воскликнули те в преизбытке почтительности.

Наконец он стал на ноги. Тогда десятники чуть не на голову очутились выше его. Зато он значительно превосходил их шириною: я редко видывал утробу более внушительную! На ногах его блистали сапоги с традиционными бураками. Длинный сюртук, застегнутый на все пуговицы, был на животе немилосердно засален. Став на ноги, он тяжело вздохнул, снял картуз, отер платком вспотевшую голову, подумал с минуту и снова протянул руки. Десятники снова проворно подхватили его и повели к работам.

- Что это такое? – в недоумении обратился я к Батееву.

Он хохотал, катаясь по дивану.

- Хорош ритуал? – вырвалось, наконец, у него посреди смеха.

- Да что это, идол, что ли, какой?

– Ничуть не идол. Это просто мужик, глупый как бревно, и у которого в кармане преизряднейший капиталец. Это – Крокодил.

- Сазон?

- Он самый. Да разве вы никогда не слыхали? Он самый налицо и есть.

- Я думал, что подрядчиков у артели не существует?

– Да он и не подрядчик. Кто вам сказал, что он подрядчик? Он просто бог ихний. Смотрите!

Я посмотрел и действительно готов был убедиться, что артель составляет из себя какую-то мистическую секту и что Крокодил играет в ней роль бога. Почтительно поддерживаемый десятниками, он важно и медлительно расхаживал по постройкам. Плотники при его приближении оставляли работу и низко склоняли головы. На это получался легкий кивок, и шествие продолжалось. После того как все было осмотрено, целая толпа окружила Крокодила и направилась в свое помещение. Он шел впереди, тупо и значительно озираясь по сторонам. Непосредственно за ним следовали наиболее почетные люди артели. Дальше шла молодежь. Из тележки достали бутылку водки и окорок, и шустрый подросток торжественно нес это. Сзади процессии, сдерживая рьяного жеребца, шагом ехал кучер... Наконец вся артель скрылась за углом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.